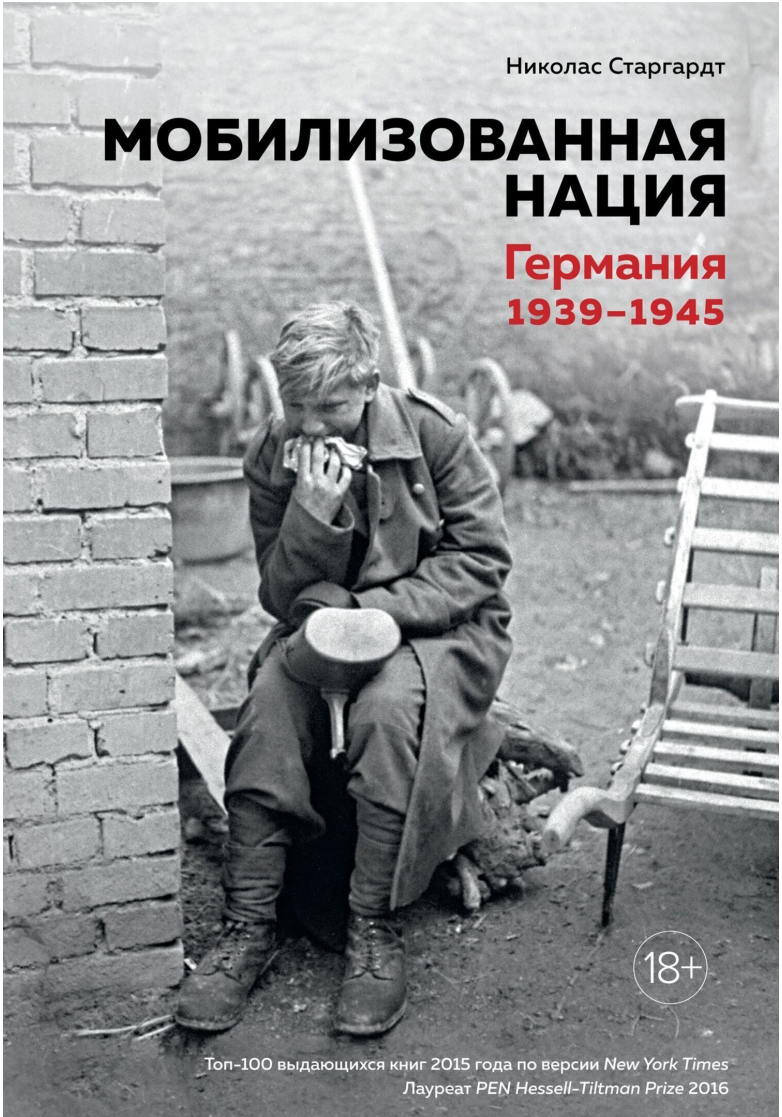

Николас Старгардт
МОБИЛИЗОВАННАЯ НАЦИЯ
Германия 1939–1945
18+
Топ-100 выдающихся книг 2015 года по версии New York Times
Лауреат PEN Hessell-Tiltman Prize 2016

Николас Старгардт
Мобилизованная нация. Германия 1939–1945

https://litres.ru/64019576
Мобилизованная нация: Германия 1939–1945:
ISBN 978-5-389-19267-6

Аннотация

<p>Книга оксфордского профессора, одного из самых авторитетных исследователей нацизма, рассказывает о Второй мировой войне с точки зрения граждан Германии. В ее основу легли частные письма и дневники времен войны. В хронологическом порядке, с 1939 по 1945 г., изложено, как немцы восприняли начало войны, какие у них были надежды и страхи и как менялись их мысли и чувства в моменты побед и поражений, а также после разгрома нацизма. Автор подробно останавливается на том, как граждане воюющей страны воспринимали репрессии и жестокости на завоеванных территориях и в самой Германии, как относились к покоренным народам, к евреям и к «окончательному решению еврейского вопроса», а также на сложных взаимоотношениях между государством и церковью. Много места уделено теме массированной нацистской пропаганды. Немалый интерес представляют подробности повседневной жизни Германии на

фронте и в тылу: нехватка продовольствия и промтоваров, карточная система, бомбежки, эвакуация, взаимоотношения с иностранными рабочими, проблемы детей и подростков. Занимая совершенно очевидную антинацистскую позицию, Николас Старгардт сознательно избегает оценок, стремясь дать беспристрастное, подтвержденное документами описание. «Это книга о долгой войне. Шаг за шагом на ее страницах мы проследим за изменениями немецкого общества и за тем, как почти незримо, но необратимо отдельные люди приспосабливались к войне, течение которой, как они с каждым днем чувствовали все больше, перестало поддаваться какому бы то ни было влиянию с их стороны. Мы проследим за сменой ожиданий, колебаниями надежд и опасений личностей, проходивших через формировавшие их события. Истории этих людей дают нам эмоциональное мерило пережитого и служат нравственным барометром общества, вступившего на путь саморазрушения». (Николас Старгардт)
 В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Карты	9
Предисловие	17
Действующие лица	23
Введение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николас Старгардт Мобилизованная нация: Германия 1939–1945

Шаг за шагом автор демонстрирует, как менялось отношение населения Германии ко Второй мировой войне в ходе развертывания конфликта и побуждает читателей переосмыслить те вещи, которые казались знакомыми. Объемный исторический труд, наводящий на глубокие размышления.

Марк Роузман, профессор истории, Индианский университет в Блумингтоне

Богатый и впечатляющий пример этического осмысления проблемы с сохранением непредвзятости и критичности. Автор распутывает паутину пропаганды и морализма, чтобы дать нам возможность взглянуть на военный конфликт глазами немцев – как нацистов, так и тех, кто не поддерживал Гитлера. Нам словно выпадает шанс пережить эпизоды войны вместе с современниками тех событий. Немалый риск – описывать историю этой невероятно жестокой и разрушительной войны будто изнутри, через призму чужого восприятия.

Джейн Каплан, почетный профессор, колледж Святого Антония в Оксфорде

Выдающаяся книга выдающегося историка. На основе вдумчивого исследования частной переписки, секретных документов, пропагандистских материалов и других источников показано, что именно и в какой момент узнавали немецкие граждане – как солдаты, так и мирное население – о ходе войны, что они думали о ней, и как режим, всегда принимавший во внимание настроения людей, видоизменялся в зависимости от этих настроений. Шедевр исторического описания, органично сочетающий взгляд с отдаленной перспективы и частную микроисторию этого катастрофического периода XX века.

Ян Томаш Гросс, историк, социолог и политолог, профессор Новой истории, Принстонский университет, автор книги «Соседи. История уничтожения еврейского местечка»

Лавируя между рифами чудовищного насилия войны и отмелями невероятной сложности отдельных судеб, между вызовами, встающими перед простыми людьми, и безжалостностью неподвластной им военной машины, автор развертывает повествование, основанное на богатейшем материале. Это не просто рассказ или история, это настоящий эпос.

Джефф Эли, профессор истории и германистики, Мичиганский университет

В этой книге словно мощным прожектором высвечивается проблема национального самосознания. В ней объясняется – что мало кому удавалось, – почему

немецкий народ продолжал драться до самого конца.
Шелдон Гэрон, профессор японистики, Принстонский университет

Потрясающая книга. В ней блестяще исследуются дневники, письма и другие ранее неизвестные источники и содержится яркое и тонкое понимание мотивации простых немцев, сражавшихся в самой ужасной войне всех времен.
Ян Кершоу, историк, специалист по истории нацизма, член Британской академии, автор книг «Гитлер» и «Конец Германии Гитлера. Агония и гибель»

Прекрасно написанная и убедительно аргументированная книга. Необходимое чтение.
Саул Фридлендер, израильский историк, лауреат Пулитцеровской премии, специалист по истории Холокоста, автор книги «Нацистская Германия и евреи»

Детальные портреты немецких мужчин и женщин, своего рода отчет немцев о личном опыте войны.
Times Literary Supplement

Превосходное и значимое исследование на тему Второй мировой войны.
Spectator

Неожиданные прозрения как в отношении человечности, так и поворота к варварству.
Economist

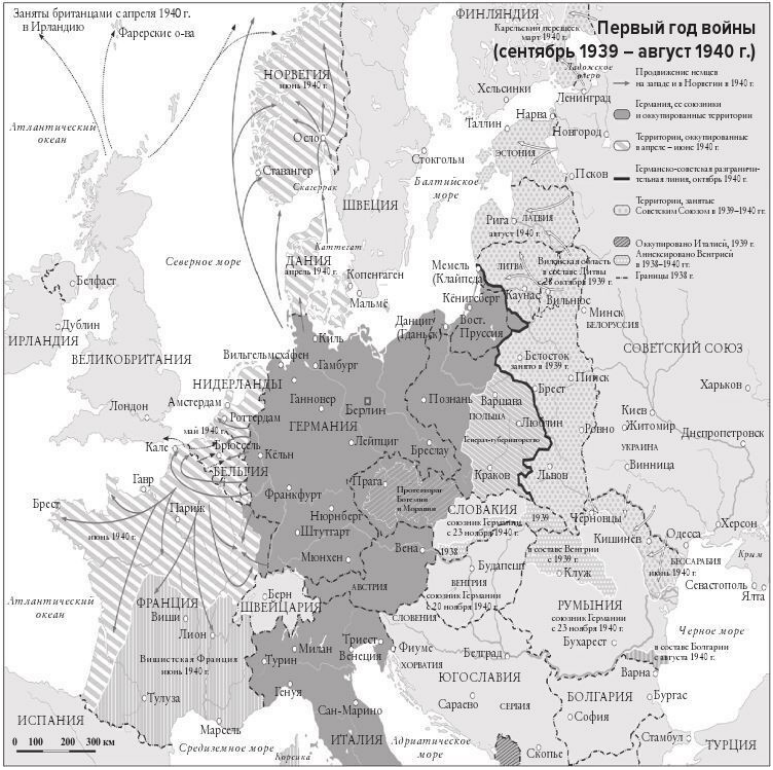
Яркая история повседневной жизни отражает сложные чувства простых немцев при нацистском режиме… Превосходное исследование.
Guardian

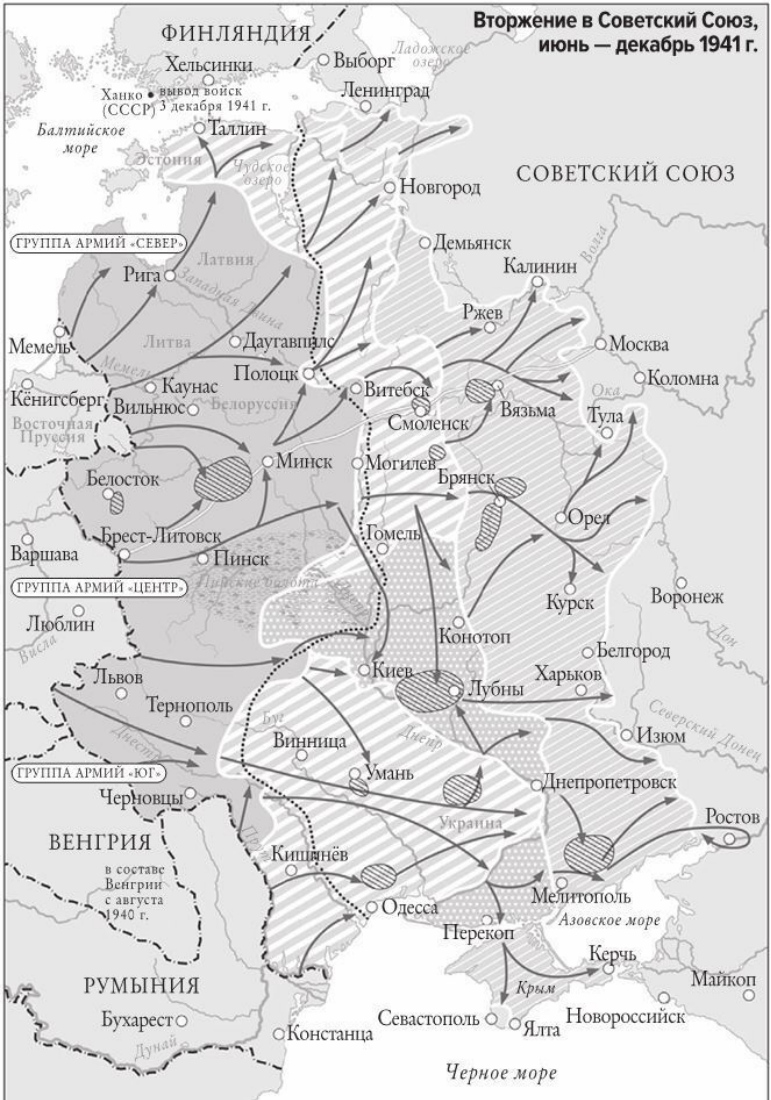
Масштабное социальное полотно.
New York Review of Books

Сложный портрет нации, охваченной патриотизмом и негодованием, взволнованной ранними военными победами и гордящейся боевыми способностями вермахта.
Foreign Affairs

© Nicholas Stargardt, 2015
© Колин А. З., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
КоЛибри®

Карты

Первый год войны
(сентябрь 1939 – август 1940 г.)
Продвижение немцев на запад и в Норвегии в 1940 г.
Германия, ее союзники и оккупированные территории
Территория, оккупированная в апреле – июне 1940 г.
Германо-советская разграничительная линия, октябрь 1940 г.
Территория, занятые Советским Союзом в 1939–1940 гг.
Оккупировано Италией, 1939 г.
Аннексировано Германией в 1938–1940 гг.
Границы 1938 г.
Заняты британцами с апреля 1940 г. в Ирландию
Фарерские о-ва
Атлантический океан
НОРВЕГИЯ
июнь 1940 г.
Осло
Ставангер
Скагеррак
ШВЕЦИЯ
Каттегат
ДАНИЯ
апрель 1940 г.
Копенгаген
Мальмё
Северное море
Бельфаст
Дублин
ИРЛАНДИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
Вильгельмсхафен
Гамбург
НИДЕРЛАНДЫ
Амстердам
Гаага
Роттердам
май 1940 г.
Лондон
Брюссель
Кале
Кёльн
БЕЛЬГИЯ
Гавр
Брест
Париж
июнь 1940 г.
Франкфурт
Нюрнберг
Штутгарт
Мюнхен
Берн
ШВЕЙЦАРИЯ
Виши
Лион
Вишистская Франция
июнь 1940 г.
Милан
Турин
Генуя
Тулуза
ИСПАНИЯ
Марсель
Средиземное море
Корсика
Ганновер
Берлин
ГЕРМАНИЯ
Лейпциг
Прага
Протекторат Богемия и Моравия
Вена
1938
АВСТРИЯ
Триест
Венеция
Фиуме
ХОРВАТИЯ
Сан-Марино
ИТАЛИЯ
Адриатическое море
Познань
Варшава
ПОЛЬША
Люблин
Брест-Литовск
Краков
Львов
СЛОВАКИЯ
союзник Германии с 23 ноября 1940 г.
Будапешт
ВЕНГРИЯ
союзник Германии с 20 ноября 1940 г.
Словения
Белград
ЮГОСЛАВИЯ
Сараево
Скопье
Албания
РУМЫНИЯ
союзник Германии с 23 ноября 1940 г.
Бухарест
Черное море
в составе Болгарии с августа 1940 г.
Варна
Бургас
БОЛГАРИЯ
София
Стамбул
ТУРЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
Карельский перешеек март 1940 г.
Хельсинки
Ленинград
Нарва
Таллин
Новгород
ЭСТОНИЯ
Стокгольм
Балтийское море
Псков
Рига
август 1940 г.
ЛАТВИЯ
Мемель (Клайпеда)
ЛИТВА
Виленская область в составе Литвы с 28 октября 1939 г.
Кёнигсберг
Каунас
Вильнюс
Данциг (Гданьск)
Вост. Пруссия
Минск
БЕЛОРУССИЯ
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
Белосток занято в 1939 г.
Пинск
Брест
Ровно
Киев
Житомир
Днепропетровск
УКРАИНА
Винница
Харьков
Херсон
Одесса
Кишинев
БЕССАРАБИЯ
июнь 1940 г.
Крым
Севастополь
Ялта
Черное море
Керчь
Таганрог
Ростов
Луганск
Сталино
Запорожье
Мариуполь
Крым
Симферополь
Феодосия
Ялта
Севастополь

Вторжение в Советский Союз, июнь — декабрь 1941 г.
ФИНЛЯНДИЯ
Хельсинки
Выборг
Ладожское озеро
Ленинград
Ханко (СССР)
вывод войск 3 декабря 1941 г.
Балтийское море
Таллин
Эстония
Чудское озеро
Новгород
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕР»
Латвия
Западная Двина
Рига
Демьянск
Волга
Калинин
Ржев
Мемель
Литва
Даугавпилс
Москва
Мемель
Полоцк
Витебск
Коломна
Кёнигсберг
Каунас
Вильнюс
Белоруссия
Смоленск
Вязьма
Тула
Восточная Пруссия
Минск
Могилев
Брянск
Белосток
Орел
Брест-Литовск
Гомель
Варшава
Пинск
ГРУППА АРМИЙ «ЦЕНТР»
Воронеж
Курск
Люблин
Конотоп
Висла
Дон
Белгород
Киев
Харьков
Львов
Лубны
Тернополь
Днестр
Буг
Винница
Днепр
Изюм
Северский Донец
ГРУППА АРМИЙ «ЮГ»
Умань
Днепропетровск
Черновцы
Украина
Ростов
ВЕНГРИЯ
в составе Венгрии с августа 1940 г.
Кишинёв
Мелитополь
Одесса
Азовское море
Перекоп
Керчь
Крым
Майкоп
РУМЫНИЯ
Бухарест
Севастополь
Ялта
Новороссийск
Констанца
Дунай
Черное море

Советское контрнаступление
с 5 декабря 1941 г.
до конца марта 1942 г.
ФИНЛЯНДИЯ
Ладожское озеро
Хельсинки
Выборг
Ленинград
Балтийское море
Таллин
Чудское озеро
Новгород
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
Демьянск
Рига
Калинин
Волга
Мемель
Даугавпилс
Ржев
Москва
Вязьма
Полоцк
Коломна
Кёнигсберг
Каунас
Витебск
Смоленск
Вильнюс
Тула
Михайлов
Минск
Могилев
Белосток
Брянск
Орел
Елец
Брест-Литовск
Варшава
Пинск
Гомель
Припять
Пинские болота
Люблин
Курск
Воронеж
Конотоп
Висла
Белгород
Киев
Харьков
Львов
Днестр
Днепр
0 100 200 300 km
Северский Донец
Изюм
Калинин
Днепропетровск
Ростов
30
Ржев
9-Я АРМИЯ
Штраус
20
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
Жуков
Мелитополь
16
Москва
Азовское море
4-Я АРМИЯ
Гепнер
Бородино
Керчь
Крым
Вязьма
33
Подольск
Новороссийск
Ярцево
43
Коломна
Ока
49
Кашира
10
Калуга
4-Я АРМИЯ
Клюге
50
Тула
Черное море

Концентрационные лагеря в Европе 1937–1943 гг.
Основные концентрационные лагеря (с указанием года постройки)
Лагери смерти (построены в 1941–1942 гг.)
Центры эвтаназии
Места массовых убийств
Основные гетто
Города
Государственные границы
Линии разграничения 1939–1941 гг.
0 50 100 150 км
ШВЕЦИЯ
ДАНИЯ
Балтийское море
Северное море
Копенгаген
ЛАТВИЯ
Кайзервальд
Рига
Румбула
Юнгерхоф
Мемель (Клайпеда)
ЛИТВА
Каунас
Витебск
Смоленск
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
Белоруссия
Кёнигсберг
Понара
Вильнюс
Минск
Малый Тростенец
Гомель
Данциг (Гданьск)
Штутхоф
Восточная Пруссия
Нойенгамме
Росток
Вестерборк
Эстервеген
Тамбург
Равенсбрюк
Штеттин (Щецин)
НИДЕРЛАНДЫ
Бремен
Берген-Бельзен
Амстердам
Дора-Миттельбау
Ганновер
Берлин
Белосток
ПОЛЬША
Хелмно
Треблинка
Хертогенбос
Магдебург
Бранденбург
Познань
Варшава
Гросс-Розен
Радом
Собибор
Кале
Мехелен
Заксенбург
Бухенвальд
Берлибург
Лодзь
Майданек
Люблин
Дробицкий Яр
Бабий Яр
Киев
Харьков
Брюссель
Кельн
Лейпциг
Хадамар
Веймар
Бреслау
Ченстохова
Кельце
Белжец
Житомир
БЕЛЬГИЯ
ГЕРМАНИЯ
Терезиенштадт
Аугсберг
Франкфурт
Компьен
Драноси
Люксембург
Сосновец
Плашов
Ниско
Яновский
Тарнув
Освенцим
Краков
Львов
Украина
Флоссенбург
Прага
Пшемысль
Бар
Мец
Париж
Нюрнберг
Штутгарт
Графенек
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
Страсбург
Балановка
Черновцы
Единец
Кишинёв
Одесса
Нацвейлер
Дахау
Линц
Маутхаузен
Братислава
Мюнхен
Вена
Эльфинг-Хаар
Хартхайм
Базель
Зальцбург
Инсбрук
Берн
Будапешт
Клаузенбург (Клуж, Коложвар)
ФРАНЦИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
АВСТРИЯ
ВЕНГРИЯ
Трансильвания
Больцано
Лион
Лобогад
Загреб
Триест
Любляна
Тимишоара (Темешвар)
Кронштадт
РУМЫНИЯ
Турин
Милан
Ясеновац
Стара-Градишка
Джаково
Земун
Бухарест
Константа
Венеция
Фиуме
Фоссоли
Ядовно
Ташмайдан
Белград
Генуя
Болонья
Валахия
ИТАЛИЯ
Крупчица
Шабац
Сайминте
Марсель
Ницца
Флоренция
Адриатическое море
Сараево
Сербия
ЮГОСЛАВИЯ
Ниш
БОЛГАРИЯ
Черное море

Наступление немцев на Сталинград / Сталинградская битва, 1942 г.
Наступление на Сталинград
Операция «Блау», 28 июня – 18 ноября 1942 г.
Операция «Уран», ноябрь – декабрь 1942 г.
Москва
Смоленск
Тула
Брянск
Орел
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
Курск
Брянский фронт
Воронеж
Саратов
Группа армий «Б»
Белгород
Воронежский фронт
Днепр
Харьков
Донец
Юго-Западный фронт
ГРУППА АРМИЙ «ЮГ»
Клетская
Качалинская
Краматорск
Калач-на-Дону
Ворошиловград (Луганск)
Сталинград
Сталинградский фронт
6-Я АРМИЯ Паулюс
Южный фронт
Группа армий «А»
Волга
Котельниково
Таганрог
Ростов
Юго-Восточный фронт
Калмыцкая степь
Ейск
Сальск
Астрахань
Азовское море
Элиста
Керчь
Крым
Кропоткин
Севастополь
Краснодар
Ворошиловск (Ставрополь)
Кума
Ялта
Майкоп
Каспийское море
Туапсе
Пятигорск
Терек
Северо-Кавказский фронт
Черное море
Грозный
Сухуми
Эльбрус
Орджоникидзе
Закавказский фронт
Кавказ
Продвижение немцев в 1942 г.
28 июня – 7 июля
7–22 июля
22 июля – 1 августа
Батуми
Тбилиси
Кура
на Баку

Бомбежки и эвакуация
до 30 сентября 1944 г.
Балтийское море
Северное море
Мемель (Клайпеда)
Эвакуация из гау
1. менее 100 000 чел.
2. менее 1 миллиона чел.
3. свыше 1 миллиона чел.
Кёнигсберг
Данциг (Гданьск)
ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
ДАНЦИГ – ЗАПАДНАЯ ПРУССИЯ
ПОМЕРАНИЯ
МЕКЛЕНБУРГ
ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙН
ГАМБУРГ
Гамбург
Бремен
ВЕЗЕР-ЭМС
ВОСТОЧНЫЙ ГАННОВЕР
ЗАЛЬЦБУРГ-АНХАЛЬТ
Берлин
Ганновер
ЮЖНЫЙ ГАННОВЕР-БРАУНШВЕЙГ
МАРКГРАФСТВО БРАНДЕНБУРГ
ВАРТЕЛАНД
Варшава
Округ Белосток
ЭССЕН
СЕВЕРНАЯ ВЕСТФАЛИЯ
Эссен
ГАЛЛЕ-МЕРЗЕБУРГ
Лейпциг
Дрезден
Саксония
НИЖНЯЯ СИЛЕЗИЯ
Люблин
Радом
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
ЮЖНАЯ ВЕСТФАЛИЯ
ДЮССЕЛЬДОРФ
Келен
КУРФЮРСТВО ГЕССЕН
КЕЛЬН-АХЕН
ТЮРИНГИЯ
ГЕССЕН НАССАУ
ВЕРХНЯЯ СИЛЕЗИЯ
КОБЛЕНЦ-ТРИР
Франкфурт
ВОСТОЧНАЯ ФРАНКОНИЯ
СУДЕТСКАЯ ОБЛАСТЬ
СУДЕТСКАЯ ОБЛАСТЬ
Протекторат Богемии и Моравии
Краков
Галиция
САРПФАЛЬЦ
Нюрнберг
ФРАНКОНИЯ
ЛОТАРИНГИЯ
Штутгарт
ВЕСТМАРК, ЗАПАДНАЯ МАРКА
ВЮРТЕМБЕРГ-ГОГЕНЦОЛЛЕРН
ЭЛЬЗАС
ВЕНА
Эвакуация промышленности (20 000 рабочих)
Мюнхен
ШВАБИЯ
МЮНХЕН – ВЕРХНЯЯ БАВАРИЯ
ВЕРХНИЙ ДУНАЙ
НИЖНИЙ ДУНАЙ
БАДЕН
Прибытие в гау
0–50 000 чел.
50 000–100 000 чел.
100 000–200 000 чел.
200 000–300 000 чел.
300 000–400 000 чел.
400 000–500 000 чел.
500 000–600 000 чел.
количество неизвестно
Численность умерших до 30 сентября 1944 г.
свыше 20 000
свыше 10 000
свыше 5000
свыше 1000
ниже 1000
Количество разрушенных зданий до 30 апреля 1944 г.
свыше 200 000
свыше 100 000
свыше 50 000
свыше 10 000
ниже 10 000
ТИРОЛЬ-ФОРАРЛЬБЕРГ
ЗАЛЬЦБУРГ
ШТИРИЯ
КАРИНТИЯ
Нижняя Штирия
Крайна
Границы «Великой Германии», 1944 г.
Границы нацистских гау
0 50 100 150 км

Битва за Германию
(конец 1944 г. – май 1945 г.)
Территории под властью Германии на 16 декабря 1944 г.
Линия фронта на 16 декабря 1944 г.
Линия фронта на 7 марта 1945 г.
Линия фронта на 28 марта 1945 г.
Линия фронта на 16 апреля 1945 г.
Демаркационная линия между советскими войсками и западными союзниками после 12 мая 1945 г.
Территории под контролем немецких войск в начале мая 1945 г.
«Великая Германия»
Границы Германии и Данциг в 1937 г.
Балтийское море
Северное море
Средиземное море
Адриатическое море
Черное море
Мемель
РЕЙХСКОМИССАРИАТ ОСТЛАНД
Каунас
Вильнюс
Минск
Восточная Пруссия
Белосток
Брест-Литовск
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
Ровно
Луцк
Киев
Житомир
Бердичев
Винница
РЕЙХСКОМИССАРИАТ УКРАИНА
Умань
Одесса
Кишинев
Крым
Севастополь
Измаил
Яссы
Плоешти
Бухарест
Крайова
Констанца
Варна
Бургас
София
БОЛГАРИЯ
ТУРЦИЯ
нейтральное государство
Скопье
Ниш
Белград
Сараево
Яйце
Задар
Загреб
Арад
Дебрецен
Будапешт
Ужгород
Чернобцы
Кенигсберг
Данциг
Кольберг
Штеттин
Щецин
Познань
Варшава
Седльце
Люблин
Лодзь
Брест
Катовице
Краков
Львов
Гдыня
Данциг
Гдыня
Торгау
Дрезден
Бреслау
Нюрнберг
Пльзень
Прага
Моравия
Богемия
Нирнберг
Франкфурт-на-Майне
Майнц
Кассель
Ганновер
Берлин
Бремен
Гамбург
Гронинген
Амстердам
НИДЕРЛАНДЫ
Дортмунд
Кельн
Брюссель
БЕЛЬГИЯ
Люксембург
Саарбрюккен
Страсбург
Штутгарт
ФРАНЦИЯ
Мюнхен
Линц
Вена
СЛОВАКИЯ
Зальцбург
Инсбрук
Берхтесгаден
Берн
ШВЕЙЦАРИЯ
Милан
Венеция
Генуя
Болонья
Равенна
Римини
Флоренция
ИТАЛИЯ
Рим
Кассино
Корсика
Южный Тироль
Удине
Триест
Любляна
ХОРВАТИЯ
Бихач
Котор
ЧЕРНОГОРИЯ
Шкодер
Германштадт (Сибиу)
РУМЫНИЯ
Клаузенбург (Клуж)
ВЕНГРИЯ
Ньиредьхаза
Дебрецен
Будапешт
Арад
Германштадт (Сибиу)
Клаузенбург (Клуж)
Ужгород
Чернобцы
Ровно
Луцк
Житомир
Бердичев
Винница
Умань
Киев
Одесса
Кишинев
Яссы
Плоешти
Бухарест
Крайова
Констанца
Варна
Бургас
София

Предисловие

Представленная вниманию читателя книга венчает временной отрезок продолжительностью более двадцати лет, в течение которых я старался понять опыт и переживания людей, живших в Германии и под немецкой оккупацией во время Второй мировой войны. Книгу эту, признаюсь, я вообще изначально писать не собирался. В 2005 г. я клялся себе и другим, что, едва успев закончить «Свидетели войны: жизнь детей в нацистской Германии» (Witnesses of War: Children's Lives under the Nazis), никогда не вернусь к теме детей, Холокоста и нацистской Германии. Работа начиналась как небольшой очерк о том, за что же все-таки сражались немцы; меня одолевало стремление кое-что сказать по этому поводу. Позднее, на протяжении академического отпуска в Свободном университете Берлина в 2006–2007 гг., эссе зажило своей жизнью и стало перерастать в нечто более крупное.

Между двумя книгами явно существует преемственность. Наиболее очевидное сходство – мой интерес к изучению субъективного в истории общества на примере письменных документов эпохи и попытка понять механизм восприятия людьми разворачивавшихся вокруг них событий; ведь в таких случаях никто не знает наперед, как все закончится. Но нельзя не заметить и столь же явных различий. В книге «Свидетели войны» я стремился относиться к детям как

к самостоятельным игрокам на общественном поле, к тому же пытаясь совместить несовместимое – точки зрения детей, которых война и расизм разделили на победителей и побежденных. Книга, которую вы держите в руках, выявляет иную проблему: как докопаться до страхов и надежд общества, откуда происходили победители и преступники, чтобы понять, как немцы оправдывали войну для самих себя. Чтобы заострить внимание на вопросе, я постарался «настроить объектив» разом в ширину и в глубину, для первого использовав «крупный» план, основываясь на информации из подслушанного в разговорах людей осведомителями или выявленного военной цензурой при перлюстрации писем; для второго – обратившись к выбранным мной индивидам, представителям разных слоев социума, наблюдая на протяжении значительного периода времени за изменением их чаяний и планов по мере течения войны и приобретаемого с нею опыта. При таком подходе голоса жертв звучат тише, чем в «Свидетелях войны», но не умолкают совсем; вместе с тем без такого контрастного фона невозможно прочувствовать, насколько различно – и часто эгоистически – немцы выстраивали свое ограниченное понимание войны.

Одной из главных составляющих данной книги выступают собрания писем друг к другу возлюбленных, близких друзей, родителей и детей, ну и, конечно, супружеских пар. Подобными источниками пользовались многие историки, но зачастую с иным результатом. К примеру, Библиотека Новой ис-

тории (Bibliothek für Zeitgeschichte) в Штутгарте располагает знаменитой коллекцией примерно из 25 000 писем, собранных Рейнгольдом Штерцом. К сожалению, письма каталогизированы по хронологии, а не по авторам, а потому наглядно показывают срез субъективных мнений в конкретные моменты войны, но не дают возможности проследить цепочку – установить, насколько твердо написавший их человек держался своих убеждений на более или менее продолжительном временном отрезке. При отборе я взял на вооружение другой подход. Мне важен обмен корреспонденцией продолжительностью как минимум в несколько лет, что дает возможность наблюдать процесс изменения и развития личных отношений между людьми – да и самих мотивов, заставлявших их браться за перо, – по мере течения событий. Данный метод позволяет воссоздать более точную картину – посмотреть на происходящее через ту самую призму, сквозь которую отдельные индивиды видели и оценивали самые важные его моменты.

Нет-нет, этот подход к исследованиям придуман не мной. Выработали его историки Первой мировой войны начиная с 1990-х гг., и тут я многому научился у Кристы Хэммерле. Особенно повезло мне с возможностью получить доступ к личному архиву Вальтера Кемповски еще при его жизни; и я никогда не забуду теплый прием, оказанный мне Вальтером и Хильдегард Кемповски у них дома в Натуме. Сам архив хранится теперь в Академии художеств в Берлине. В со-

брании дневниковых записей (Deuts- ches Tagebucharchiv) в Эммендингене мне очень помог Герхард Зайтц, как и Ирина Ренц – в Библиотеке Новой истории в Штутгарте. В Берлине ценными материалами снабжали меня Андреас Михаэлис из Немецкого исторического музея, Файт Дидцунайт и Томас Яндер из Архива полевой почты (Feldpostarchiv) при Музее связи и Государственного архива; как и Христиане Боцет из Военного архива Государственного архива (Bundesarchiv-Militärarchiv) во Фрайбурге. Клаус Баум и Конрад Шульц из архива свидетелей Иеговы в Германии в Зельтерс-Таунус предоставили мне экземпляры прощальных писем, написанных свидетелями Иеговы перед казнью за отказ от военной службы, а Александр фон Платон из Института истории и биографии в Люденшайде познакомил меня с обширной коллекцией из начала 1950-х гг., где содержатся воспоминания школьников времен войны в Архиве Вильгельма Ройсслера (Wilhelm Roessler-Archiv). Я очень благодарен Ли Герхальтеру и Гюнтеру Мюллеру из Венского университета за материалы из Документации биографических записей (Dokumentation lebensgeschichtliche Aufzeichungen) и Коллекции женского наследия (Sammlung Frauennachlässe). В особом долгу я перед Жаком Шумахером за его неистощимое стремление помогать на любом этапе моих исследований. Финансовую поддержку оказали мне Фонд Александра Гумбольдта (Alexander von Humboldt Foundation) и «Леверхьюлм-Траст» (Leverhulme Trust), каковым я тоже

очень и очень признателен.

Наделанные мною на протяжении такого продолжительного периода интеллектуальные долги слишком велики, чтобы суметь поблагодарить всех, кому я обязан. В 2006–2007 гг. в Берлине Юрген Коцка показал себя прекрасным хозяином, да и вообще не сосчитать людей, сделавших мое пребывание в Германии памятным и продуктивным. Многие друзья и коллеги подпитывали во мне волю к работе, делились идеями и находками, очень живо показав, что история – это продукт коллективного творчества. Среди моих замечательных коллег на историческом факультете Оксфорда и колледжа Магдалины я особенно благодарен Полу Беттсу, Лоренсу Броклиссу, Джейн Каплан, Мартину Конуэю, Роберту Гилдеа, Рут Харрис, Мэтту Хоулброку, Джейн Хэмфрис, Джону Найтингейлу, Шону Пули и Крису Уикэму.

В издательстве «Бодли-Хэд» (Bodley Head) мне очень повезло сотрудничать с Йоргом Хенсгеном, Уиллом Салкином и, после выхода Уилла на пенсию, со Стюартом Уильямсом. С невероятной энергией и проницательным умом Лара Хеймерт ввела меня в мир фундаментальных изданий проекта Basic Books. Их приверженность к публикации книг, в которые они верили, действовала невероятно подбадривающе и порой вселяла в меня так необходимую для продолжения изысканий уверенность. Лара и Йорг отлично дополняли друг друга как редакторы, причем Йорг взял на себя тяжкую обязанность редактировать текст страница за страницей.

Работать с ними было сплошным удовольствием, и я благодарен всем, включая Клэр Александер и Салли Райли из Aitken-Alexander, которые оставались моими феями-крестными, делясь своей мудростью и воодушевляя меня на протяжении работы. Мне очень и очень повезло с ними.

Без интеллектуальной щедрости и поддержки многих друзей эта книга, по всей вероятности, так никогда бы и не появилась на свет. Пол Беттс, Том Броуди, Штефан Людвиг Хоффманн, Иэн Кершоу, Марк Роузман, Жак Шумахер, Джон Уотерлоу и Бернд Вайсброд – все они откладывали свою работу, чтобы по моей просьбе прочитать рукопись целиком. Я крайне признателен всем им и каждому в отдельности за бесценные советы, за информацию из их собственных исследований и за то, что оберегли меня по меньшей мере от некоторых грубейших исторических ошибок. Рут Харрис и Линдал Ропер прочитали весь текст дважды и оставили на нем неизгладимый след. На каждом из этапов проекта Линдал обсуждала со мной ключевые идеи в ходе попыток сформулировать их наилучшим образом. Никаких слов не хватит для выражения моей благодарности.

Николас Старгардт
Оксфорд, 3 июня 2015 г.

Действующие лица

(в порядке появления на страницах повествования)

Эрнст Гукинг, крестьянский сын из Гессена, профессиональный солдат, пехотинец, и Ирен Райц, флористка из Лаутербаха (Гессен); поженились во время войны.

Вильм Хозенфельд, католик, ветеран Первой мировой и сельский учитель из Талау в Гессене, служил в немецком гарнизоне в Варшаве; его жена Аннеми, певица и протестантка, перешедшая в католичество; у них пятеро детей.

Йохен Клеппер, писатель из Николасзее (Берлин), женатый на Иоганне, обратившейся в протестантизм еврейке с двумя дочерями.

Лизелотта Пурпер, фотокорреспондент из Берлина, и Курт Оргель, юрист из Гамбурга, офицер артиллерии; они поженились во время войны.

Виктор Клемперер, еврей-протестант, ветеран Первой мировой войны и ученый, и его жена Ева, в прошлом концертирующая пианистка.

Август Тёппервин, ветеран Первой мировой войны и преподаватель гимназии из Золингена, офицер, ответственный за военнопленных, и его жена Маргарете.

Фриц Пробст, столяр из Тюрингии, военнослужащий строительного батальона, и его жена Хильдегарда; у них трое несовершеннолетних детей.

Гельмут Паулюс, сын врача из Пфорцхайма и старший из четырех детей (остальные трое подросткового и юношеского возраста), пехотинец.

Ганс Альбринг и *Ойген Альтрогге*, оба из Гельзенкирхен-Бюра близ Мюнстера, друзья и члены движения католической молодежи; связист и пехотинец.

Вильгельм Мольденхауер, лавочник из Нордштеммена близ Ганновера, радист.

Марианна Штраус, еврейка, воспитательница детского сада из Эссена.

Урсула фон Кардорфф, журналистка из Берлина.

Петер Штёльтен из Целендорфа в Берлине, вестовой и (позднее) командир танкового подразделения.

Лиза де Бор, журналистка из Марбурга, замужем за Вольфом; трое взрослых детей: Моника, Антон и Ганс.

Вилли Резе, стажер-делопроизводитель в банке Дуисбурга, пехотинец.

Мария Кундера, работница железнодорожной станции Михельбойерн близ Вены, и *Ганс Г.*, сын железнодорожника, парашютист-десантник.

Введение

Вторая мировая война заслуживает права называться Немецкой войной как никакая другая. Нацистский режим превратил развязанный им конфликт в наиболее чудовищную бойню во всей европейской истории, прибегая к методам геноцида задолго до строительства первой газовой камеры на территории оккупированной Польши. Третий рейх уникален и тем, что потерпел полное поражение в 1945 г., к тому моменту до дна истощив моральные и физические ресурсы немецкого общества. Даже японцам не довелось сражаться у ворот Императорского дворца в Токио, а вот немцы дрались возле Имперской канцелярии в Берлине. Для ведения войны на подобном уровне нацистам пришлось добиться от людей такой общественной и личной мобилизации, какая, несмотря на все старания, в предвоенный период им и не снилась. И все же спустя семьдесят лет, невзирая на горы книг о причинах войны, ее ходе и творившихся тогда зверствах, мы до сих пор не знаем, за что же, по разумению самих немцев, они сражались и каким образом они смогли продолжать войну – вплоть до самого конца. Представленная вниманию читателя книга рассказывает о том, что переживал германский народ и что он перенес во время той войны[1].

---

[1] Переосмысление последней фазы войны: Kershaw, *The End;* Geyer, 'Endkampf 1918 and 1945' // Lüdtke and Weisbrod (eds.).*No Man's Land of Violence,* 35–

Казалось бы, Вторая мировая должна была покинуть общественное сознание с течением лет и по мере угасания переживших ее поколений. Но происходит совсем наоборот. И особенно в Германии, где за последние пятнадцать лет появилось море кинолент и документальных фильмов, прошло множество выставок, увидела свет масса книг по данной теме. Академическое и популярное освещение вопроса имеет тенденцию типичного раскола во мнениях – склонность изображать немцев либо как жертв, либо как преступников. За последнее десятилетие громче звучит именно тема жертвы, поскольку авторы делают упор на воспоминаниях гражданских лиц, переживших огненные бури, разыгравшиеся в результате бомбардировок немецких городов авиацией Великобритании и США; на страданиях немецких беженцев, пытавшихся спастись перед лицом наступающей Красной армии; на убийствах и изнасилованиях, выпавших на долю тех, кто не успел убежать. Многие из пожилых немцев воскрешают в памяти самые болезненные картины прошлого просто из желания быть услышанными – рассказать и оставить это позади раз и навсегда. СМИ же превратили страдания мирного населения во времена войны в дело сегодняшнего дня, сосредоточивая внимание на бессонных ночах, ужасе перед налетами и непрекращающихся ночных кошмарах. Возникают общества так называемых детей вой-

---

67; Bessel, 'The shock of violence' in ibid.,*No Man's Land of Violence,* 69–99, and Bessel,*Germany in 1945.*

ны, к месту и не к месту звучат термины вроде «травма» и «коллективная травма», призванные описывать подобного рода переживания. Но разговоры о травме демонстрируют тенденцию подчеркивать пассивность и невиновность перенесших их людей, и это вызывает сильный моральный резонанс. Так, в 1980-х и 1990-х гг. под понятие «коллективная травма» подогнали и воспоминания уцелевших после Холокоста, что сулит жертвам «получение прав» – своего рода политическое признание[2].

Только крайне правые маргиналы, выходящие каждый февраль на митинги в память бомбардировки Дрездена в 1945 г. с плакатами «бомбовый Холокост», уравнивают беды мирного населения Германии со страданиями жертв нацистской политики уничтожения. Но даже такого рода провокации далеки от несгибаемого национализма, подогреваемого в 1950-х гг. в Западной Германии, где немецких солдат воспевали как героев за их «самопожертвование», тогда как

---

[2] О бомбежках см.: Groehler,*Bombenkrieg gegen Deutschland;* Friedrich,*Der Brand;* об изнасилованиях: Sander and Johr (eds.).*Befreier und Befreite;* Beevor,*Berlin;* Jacobs,*Freiwild;* опыт и переживания женщин во время войны: Dörr, 'Wer*die Zeit nicht miterlebt hat…*' 1–3; бегство: Grass,*Im Krebsgang;* e. g. Schön,*Pommern auf der Flucht 1945,*беседы с немецкими детьми: Lorenz,*Kriegskinder;* Bode,*Die vergessene Generation;* Schulz et al.,*Söhne ohne Väter;* критические обсуждения: Kettenacker (ed.).*Ein Volk von Opfern?;* Wierling, '"Kriegskinder" // Seegers and Reulecke (eds.).*Die 'Generation der Kriegskinder',* 141–155; Stargardt,*Witnesses of War:* introduction; Niven (ed.).*Germans as Victims;* Fritzsche, 'Volkstümliche Erinnerung' // Jarausch and Sabrow (eds.).*Verletztes Gedächtnis,* 75–97.

их «зверства» списывали на убежденных нацистов, прежде всего эсэсовцев. Удобный штамп «холодной войны» о «хорошем» вермахте и «плохих» СС, очень пригодившийся для перевооружения Западной Германии и принятия ее как полноценного члена в НАТО в середине 1950-х гг., не выдерживает критики в середине 1990-х гг., благодаря – не в последнюю очередь – передвижной выставке «Преступления вермахта», где представлены фотографии публичных казней через повешение и массовых расстрелов с участием простых солдат. Широкий показ личных снимков, которые военнослужащие германских вооруженных сил носили в карманах формы вместе с фотографиями своих детей и жен, вызвал сильнейший отклик, особенно в областях Австрии или бывшей Восточной Германии, где подобные темы до 1990-х гг., как правило, не поднимались. Однако нельзя сказать, будто не последовало обратной реакции, и, когда фокус дискуссии сменился в направлении немецких женщин и детей, ставших жертвами бомбардировок британской и американской авиации или насилия со стороны советских солдат, у некоторых комментаторов возникал страх перед возвратом к превалировавшей в 1950-е гг. практике состязания в том, кто же больше виноват[3].

---

[3] Joel, *The Dresden Firebombing;* Niven, *Germans as Victims //*troduction; о 1950-х гг.: Moeller, *War Stories;* Schissler (ed.). *The Miracle Years;* Gassert and Steinweis (eds.). *Coping with the Nazi Past;* 1995 Wehrmacht exhibition and debate, Heer and Naumann (eds.). *Vernichtungskrieg;* Hartmann et al., *Verbrechen der Wehrmacht;* историческое исследование: Streit, *Keine Kameraden* (1978);

Вместо этого два подпитываемых эмоциями сюжета войны следовали параллельными путями. Несмотря на принятие моральной ответственности, выразившееся в решении о создании крупного памятника Холокоста в центре Берлина, раскол во мнениях о том времени поразителен: кто же немцы, жертвы или преступники? Следя за публичной самокритикой, развернувшейся в Германии в 2005 г., в канун 60-й годовщины окончания Второй мировой войны, я убедился, что необходимость вывести и озвучить поучительные уроки из давних событий сегодня заставила ученых, а равно и СМИ обойти вниманием один из императивов истории, обязывающий нас в первую очередь и прежде всего хорошо понимать прошлое. Самое главное – историки не задавались одним естественным, казалось, вопросом: о чем говорили немцы и что думали они об их роли в то время? Например, до какой степени они выражали готовность обсуждать свое участие в войне на стороне проводившего геноцид режима? И насколько сделанные ими выводы меняли их видение войны в целом?

Кто-то предположит, будто подобные речи в полицейском государстве, да к тому же в военное время, попросту невозможны. В действительности уже летом и осенью 1943 г. немцы начали открыто говорить об убийствах евреев, увязывая их уничтожение с бомбардировками авиацией союзников мирного населения в Германии. Скажем, в Гамбурге от-

---

Römer, *Der Kommissarbefehl* (2008).

мечалось, «что простые люди, представители среднего класса и прочие граждане между собой, а также и при собрании людей постоянно высказываются, будто налеты есть возмездие за то, как мы обходимся с евреями». В баварском Швайнфурте народ говорил то же самое: «Ужасные налеты есть следствие мер, принимаемых против евреев». После второй бомбардировки города ВВС США в октябре 1943 г. жители открыто жаловались: «Если бы мы не поступали так плохо с евреями, нам бы не пришлось выносить эти ужасные налеты». К тому моменту о подобных настроениях соответствующие службы доносили властям в Берлине не только из крупных немецких городов, но и из «тихих заводей» – из глубинки, почти или вовсе не знавшей бомбежек[4].

Впервые услышав об этом, я испытал глубокое удивление, хотя и не сомневался уже, что послевоенные заявления немцев, будто они ничего не знали и ничего не делали, – не более чем удобная отговорка. Существующие научные данные показывали, что в Германии военной поры везде ходили разговоры о геноциде. Однако прежде я, как и другие историки, предполагал, будто подобная информация распространялась в основном конфиденциально в кругу близких дру-

---

[4] Hauschild-Thiessen (ed.).*Die Hamburger Katastrophe vom Sommer 1943,* 230: Lothar de la Camp, циркулярное письмо, 28 July 1943; Kulka and Jäckel (eds.).*Die Juden in den geheimen NS-Stimmungsberichten,* 3693, SD Außenstelle Schweinfurt, o.D. [1944] and 3661, NSDAP Kreisschulungsamt Rothenburg/T, 22 Oct. 1943; Stargardt, 'Speaking in public about the murder of the Jews' // Wiese and Betts (eds.).*Years of Persecution,* 133–155.

зей и семьи, выходя за эти рамки только как слухи. Как мог Холокост сделаться предметом всеобщего обсуждения? Более того, подобные дискуссии подвергались отслеживанию и анализу со стороны тех самых сотрудников тайной полиции, служивших власти, каковая и занималась организацией депортации и уничтожения евреев на протяжении двух предшествовавших лет. Что еще более невероятно, всего через несколько месяцев после поступления этих сведений глава полиции и СС Генрих Гиммлер продолжал утверждать перед собранием других главарей Третьего рейха, что только они ответственны за искоренение европейского еврейства, и заявлял: «Мы унесем эту тайну с собой в могилу». Как же случилось, что столь охраняемая тайна стала явной? На протяжении последних двадцати пяти лет Холокост вышел на центральные позиции в нашем взгляде на нацистский период и Вторую мировую в целом. Однако, по меркам истории, произошло это совсем недавно, а потому мы никак не можем на данном основании делать выводы о том, как же именно видели свою роль немцы в ту пору[5].

18 ноября 1943 г. капитан доктор Август Тёппервин фиксировал в дневнике услышанные им «отвратительные, но, по-видимому, верные подробности о том, как мы уничтожали евреев (от детей до стариков) в Литве!». Он отмечал слу-

[5] Kershaw, 'German popular opinion' // Paucker (ed.).*Die Juden im nationalsozialistischen Deutschland,* 365–386; Bankier,*The Germans and the Final Solution;* Himmler, *Die Geheimreden,* 171: речь в Познани, 6 Oct. 1943; Confino,*Foundational Pasts.*

хи о погромах и раньше, уже в 1939 и 1940 гг., но не на таком уровне. На сей раз Тёппервин дерзнул рассмотреть страшные факты с точки зрения морали, задаваясь вопросом, кого же законно убивать на войне. Он расширил список от неприятельских солдат и партизан, действующих в тылу у немецких войск, до ограниченных коллективных актов возмездия по отношению к потворствовавшим им гражданским лицам, но даже и тогда был вынужден признать, что совершаемое в отношении евреев есть вещи совсем иного порядка: «Мы не просто уничтожаем воюющих с нами евреев, мы в буквальном смысле стремимся вырезать этот народ под корень как таковой!»[6]

Глубоко верующий протестант и консерватор, учитель по профессии, Август Тёппервин с самого начала испытывал сомнения в отношении мотивов и методов войны, беспокоясь из-за жестокости политики Гитлера. Похоже, он персонифицирует тот моральный настрой и политическую отчужденность от нацизма, находившие выражение не в каком-то откровенном сопротивлении системе, но в определенной степени неприятия и во «внутреннем» несогласии с призывами и требованиями режима. Но существовала ли на деле подобная тихая «духовная гавань»? Считать ли все выражения колебаний в письмах к близким и в личных дневниках некой внутренней оппозицией, а не всего лишь неуверенностью и реакцией на вызовы, перед которыми оказался

[6] Orlowski and Schneider (eds.). *'Erschießen will ich nicht!'*, 247: 18 Nov. 1943.

автор? И в самом деле, Август Тёппервин продолжал верой и правдой служить режиму до последних дней войны. Выразив свое прозрение в словах «мы в буквальном смысле стремимся вырезать этот народ под корень как таковой», он умолк. Собственное признание, похоже, не противоречило для него вере в возложенную на Германию цивилизационную миссию идти на восток ради защиты Европы от большевизма.

Тёппервин более так и не поднимал тему убийства евреев до марта 1945 г., когда впервые за все время стал отчетливо осознавать неизбежность поражения Германии: «Человечество, которое ведет такую войну, сделалось безбожным. Русское варварство на востоке Германии, кошмарные налеты британцев и американцев, наша борьба с евреями (стерилизация здоровых женщин, расстрелы всех от детей до старух, отравление газом евреев целыми вагонами)!» Если приближающийся разгром казался ему своего рода наказанием свыше за содеянное по отношению к евреям, то, как следует из слов Тёппервина, последнее было не хуже и не лучше, чем действия союзников против немцев[7].

Применительно к лету и осени 1943 г. мотивации, побуждавшие мирное население на домашнем фронте от Гамбурга до Швайнфурта так открыто и обреченно говорить о злодеяниях Германии против евреев, заключались в ином. В период между 25 июля и 2 августа 1943 г. бомбардировкам с воздуха подвергся Гамбург, где разгорелся гигантский огненный

[7] Ibid., 338: 17 Mar. 1945.

смерч, уничтоживший половину города и стоивший жизни 34 000 человек. Многих немцев случившееся заставляло искать параллели с апокалипсисом. Как доносила Служба безопасности СС (СД), демонстративный террор по отношению к жителям главных городов послужил – «к великому прискорбию» – причиной исчезновения по всей Германии «чувства безопасности», сменившегося «слепой яростью». В первый день бомбежки, 25 июля, произошло и еще одно важное событие, хотя и за пределами Германии. Итальянского диктатора Бенито Муссолини, находившегося у власти двадцать один год, свергли собственные соратники в результате бескровного переворота. Немцы немедленно связали воедино то и другое. На протяжении следующего месяца народ, по словам осведомителей, открыто обсуждал, не стоит ли последовать примеру итальянцев и заменить нацистский режим военной диктатурой, поскольку такая перестановка сулила «лучший» или, возможно, даже «последний» шанс достигнуть «сепаратного мира» с Западом. В умах нацистского руководства подобные настроения виделись наверняка тревожным индикатором падения боевого духа в народе и опасностью повторения капитуляции и революции ноября 1918 г.

В действительности кризис продлился недолго. К началу сентября 1943 г. все закончилось, поскольку режим поспешил вложить значительные ресурсы в улучшение гражданской обороны и организовать массовые эвакуации из горо-

дов. Между тем военное положение вермахта в результате занятия значительной территории Италии стабилизировалось, ну и гестапо со своей стороны удалось подавить «пораженческие» разговоры, похватав некоторых особо откровенных граждан. Как в размышлениях Тёппервина, так и в публичных обсуждениях тему ответственности немцев за убийство евреев подогревало чувство глубокого морального и физического беспокойства, поскольку набиравшее силу и размах наступление Бомбардировочного командования британских ВВС распространяло ощущение уязвимости далеко за пределы подвергавшихся бомбежкам городов. Значение временного политического кризиса, спровоцированного ударами по Гамбургу, состояло в факте выхода страха на поверхность; дальнейшие обострения стали развиваться по тем же шаблонам – в разговорах немцами будет руководить смешанное чувство обеспокоенности из-за собственной вины и их роли жертв[8].

Для немецких евреев их понимание войны неизбежно формировал разворачивавшийся Холокост. Но другие немцы воспринимали все с противоположной точки зрения: их в основном тревожила война, в свете чего они и воспринимали геноцид. Взгляд у тех и других на одни и те же вещи складывался совершенно несхожий, обусловленный сильнейшей разницей в возможностях и выборе, искаженный абсолют-

[8] MadR, 5571, 5578–9 and 5583: 5 and 9 Aug. 1943; Stargardt, 'Beyond "Consent" or "Terror"', 190–204.

но разными страхами и надеждами. Эта проблема и сформировала мой подход к написанию истории происходившего в Германии в военное время. Если другие авторы подчеркивали механизмы массовых убийств и обсуждали, почему вообще стал возможен Холокост, я в большей степени сосредоточился на том, как именно само немецкое общество воспринимало и принимало эти знания в форме свершившегося факта. Какое воздействие оказало на немцев постепенное осознание того, что они участвуют в войне и геноциде? Или, если поставить вопрос по-другому, как война привела их к пониманию того, что есть геноцид?

Период июля и августа 1943 г. оказался, совершенно очевидно, моментом одного из глубочайших кризисов за все военное время в Германии, когда люди от Гамбурга до Баварии объясняли гигантские налеты союзников на города и уничтожение в них множества гражданских лиц воздаянием за то, «что мы сделали евреям». Такие разговоры о каре от союзников, или о «еврейском возмездии», подтверждают верность соображения о том, что позиция нацистской пропаганды, настырно – особенно в первые шесть месяцев 1943 г. – подававшей авианалеты как «еврейский бомбовый террор», в общем и целом населением принималась. Однако реакция народа приобрела неожиданный для властей оттенок самобичевания, крайне неприятно поразив Геббельса и прочих нацистских вождей. Казалось, людям хотелось разорвать порочный круг уничтожения теперь, когда немецкие города

стали превращаться в руины. Однако «меры, принимаемые против евреев», как именовалось в устах СД их фактическое убийство, уже отошли в прошлое: массовые депортации евреев по всей Европе закончились в прошлом году. Огненная буря в Гамбурге поставила немцев в условия новой «тотальной» войны, ибо угроза уничтожения с воздуха сделалась безграничной.

Примитивные дуалистические метафоры «или – или», «быть или не быть», «все или ничего», «победа или смерть» имели в идеологии Германии долгую историю. Они лежали не только в основе главных идей Гитлера с самого поражения Германии в 1918 г., но выступали краеугольным камнем пропаганды Первой мировой войны с 6 августа 1914 г., когда кайзер озвучил свое «Обращение к германскому народу». Однако не этот апокалиптический взгляд на вещи поддерживал и укреплял популярность Гитлера в 1930-е и в первые годы Второй мировой, хотя ближе к концу войны восприимчивость немецкого общества к таким рассуждениям действительно заметно выросла. Отвернувшаяся от немцев военная фортуна словно овеществила экстремистские речи. В свете «бомбового террора» союзников угроза самому существованию – «быть или не быть» – обрела очень неприятный буквальный смысл. Пищей для развития кризиса летом 1943 г. послужил охвативший немцев страх перед перспективой сполна изведать ужасы развязанной ими беспощадной расистской войны. В ходе преодоления сильнейшего кризиса

суровая реальность заставила людей не только распроститься с прежними ожиданиями и прогнозами в отношении течения войны, но и переступить через традиционные нравственные запреты, забыть о привычных понятиях порядочности и стыда. Воевавшие за Гитлера немцы вовсе не обязательно были нацистами, но в любом случае им предстояло на собственном примере уяснить, сколь тщетен расчет остаться в стороне от беспощадности войны и избежать воздействия созданных ею апокалиптических умонастроений[9].

Такая способность кризисов во время войны видоизменять или укоренять общественные ценности глубочайшим образом сказывается на нашем взгляде на взаимоотношения нацистского режима и немецкого народа. На протяжении последних тридцати лет большинство историков считали, будто кризисы, вызванные сожжением Гамбурга или гибелью 6-й немецкой армии под Сталинградом несколькими месяцами ранее, повергли немецкое общество в повальное уныние и пораженчество, и население, шаг за шагом отчуждавшееся от режима с его целями, в массе своей удерживалось в узде лишь нацистским террором. В действительности прямой связи между падением народного одобрения политики властей и ростом репрессий в середине войны не наблюдается: количество смертных приговоров в судах драматическим

---

[9] Kershaw, 'Hitler Myth'; Kershaw,*Hitler*, I–II; Wilhelm II, 'An das deutsche Volk', 6 Aug. 1914 // *Der Krieg in amtlichen Depeschen 1914/1915*, 17–18; Verhey, *The Spirit of 1914*; Reimann, *Der grosse Krieg der Sprachen*.

образом подскочило с 1292 случаев в 1941 г. до 4457 в 1942 г., то есть до окончательного разгрома под Сталинградом. Немецкие судьи реагировали тогда не на рост недовольства и брожение в низах, а на давление сверху, прежде всего со стороны Гитлера, требовавшего беспощадно карать уголовников, особенно рецидивистов. Существовала к тому же и система расового правосудия, в результате чего львиную долю казненных составляли угнанные на работу в Германию поляки и чехи. Лишь осенью 1944 г., когда армии союзников сосредоточились на границах Германии, под растущую волну репрессий стали попадать «рядовые немцы», однако настоящий разгул террора наблюдался только в заключительные недели боевых действий – в марте, апреле и в первые несколько дней мая 1945 г. Даже последние спазмы массового насилия не повергли в безмолвие немецкое общество; скорее, напротив, многие граждане Германии продолжали считать, что как верные патриоты обязаны открыто критиковать провалы нацистов. По собственному разумению немцев, их готовность делать это играла важную роль в борьбе с врагом до самого конца войны[10].

Живучее представление о пораженчестве среди немцев

---

[10] Наиболее важный вклад в эту интерпретацию в целом: Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen;* Martin Broszat, 'Einleitung' // Broszat, Henke and Woller (eds.). *Von Stalingrad zur Währungsreform;* Joachim Szodrzynski, 'Die „Heimatfront"' // Forschungsstelle für Zeitgeschichte in Hamburg (ed.). *Hamburg im 'Dritten Reich* 633–885; из последних работ, Schneider //*der Kriegsgesellschaft,* 802–834. По смертной казни, Evans, *Rituals of Retribution,* 689–696.

основывается до известной степени на здравом смысле: историки увязывают между собой успехи режима и одобрение народа, с одной стороны, и провалы нацистов с критикой и недовольством в их адрес – с другой. Подобные шаблоны, несомненно, работают в мирное время, но не в условиях глобальной войны. Иначе нельзя объяснить происходившее на самом деле. Как же немцы смогли продолжать сражаться с 1943 по 1945 г., когда материальные и людские потери с их стороны только нарастали, причем неизменно? Эта книга представляет совершенно иной взгляд на воздействие поражений и кризисов на немецкое общество во время войны. Террор, безусловно, играл свою роль в отдельные моменты, но он никогда не служил единственной – или наиболее важной – причиной того, почему немцы продолжали драться. Нельзя сбрасывать со счетов ни нацизм, ни саму по себе войну, поскольку немцы рассматривали перспективы своего поражения в свете самого их существования как народа. Чем хуже шли дела на фронте, тем более очевидно «оборонительный» характер принимало противостояние. Сменявшие друг друга, но вовсе не приводившие к крушению кризисы выступали в качестве катализатора радикальной трансформации, по мере того как немцы пытались овладеть обстановкой и переосмыслить грядущее – то, чего им следует ожидать и к чему готовиться. Да, конечно, крупные бедствия вроде Сталинграда и Гамбурга катастрофически снижали популярность режима, но сами по себе они не ставили

под вопрос необходимость следовать путем патриота. Тяготы войны высветили и показали во всем многообразии недовольство и конфликты внутри немецкого общества, полномочия сглаживать и разрешать которые оно вверяло тому же самому режиму. Однако какой бы ни становилась война, она оставалась оправданной – больше чем нацизм. Кризисы в Германии в середине войны не породили повальное пораженчество, а, напротив, укрепили связывающие общество узы. Именно на этих более сложных и динамичных обстоятельствах в реакции немцев на события войны я и сосредоточил внимание в книге.

Когда 26 августа 1939 г. вышел приказ о мобилизации, немцы и понятия не имели, что их ожидает. Однако многие не скрывали мрачного отношения к перспективе войны. Они хорошо помнили вчерашний день: 1,8 миллиона погибших на фронте в прошлом конфликте; «брюквенная зима» 1917 г.; «испанка» 1918 г.; и лица изможденных голодом детей – ведь британский Королевский военно-морской флот продолжал держать страну в блокаде и в 1919 г. с целью принудить новое германское правительство к подписанию унизительных условий мирного соглашения, «продиктованных» ему Антантой. Доминантой в германской политической жизни в 1920-х и 1930-х гг. сделались попытки сорваться с крючка Версальского договора, но даже крупнейший внешнеполитический триумф Гитлера – Мюнхенское соглашение 1938 г. – уходил в тень перед страхом вновь оказаться в состоянии

войны с прежними противниками. Первый, и главный, урок 1914–1918 гг. гласил – никогда не повторять подобного. Когда же пришла война, а с ней и карточная система, то и другое народ встретил с мрачной миной. В первую зиму жители городов сравнивали нехватку провизии, одежды и прежде всего угля для отопления с зимами 1916 и 1917 гг., ворча и кляня хронический дефицит. Ничего хорошего в плане готовности немцев «держаться» подобные настроения для властей не предвещали, о чем СД предупреждала нацистское руководство в еженедельных рапортах о «настроениях в народе».

С точки зрения нацистов, начальные месяцы войны подняли критически важные вопросы прочности их правления впервые с самого прихода к власти в 1933 г. Если брать поверхностный уровень, им в предвоенные годы явно сопутствовал успех. По разным причинам – от приспособленчества до простого удобства или даже убеждений – членство в партии выросло с 850 000 человек в конце 1932 г. до 5,5 миллиона в преддверии войны. К тому времени Национал-социалистическая женская организация включала в себя 2,3 миллиона человек, а Гитлерюгенд и Союз немецких девушек – 8,7 миллиона, причем во всех этих структурах активно действовали всевозможные курсы идеологической подготовки, от вечерних посиделок до недельных сборов в летних лагерях. Наследники рабочих комитетов взаимопомощи и профсоюзных организаций – Национал-социалистическая народ-

ная благотворительность и Германский трудовой фронт – могли похвастаться соответственно 14 и 22 миллионами членов. Особенно впечатляет в большинстве своем добровольный характер службы персонала. К 1939 г. две трети населения состояли по меньшей мере в одной из массовых организаций партии[11].

Такой ошеломительный успех основывался на сеющем рознь горьком наследии принуждения и согласия. В 1933 г. после долгих лет уличных боев нацисты получили наконец шанс довести дело до конца и разделаться с политическими оппонентами – покончить с левыми. При активном содействии полиции, армии, даже пожарных СА и СС окружали районы проживания «красных», проводили там методичные обыски, запугивая и избивая жителей, арестовывая местных активистов и функционеров. Затем, на волне постоянных налетов, последовал официальный запрет организаций левого крыла: коммунистов – в марте, профсоюзов – в мае и, наконец, в июне 1933 г. – социал-демократов. В мае 50 000 оппозиционеров – в большинстве своем коммунисты и социал-демократы – уже находились в концентрационных лагерях. К лету 1934 г., на пике террора против левых, налаженный аппарат насилия нацистов перемолол не менее 200 000 мужчин и женщин. Публичные наказания в лагерях, со всем присущим им репертуаром унижений и бессмысленной

[11] Kater, *The Nazi Party;* Benz (ed.). *Wie wurde man Parteigenosse?*; Nolzen, 'Die NSDAP', 99–111.

муштры, имели целью добиться унификации взглядов и слома воли заключенных. Настоящий успех программы «переучивания» показал себя в массовом освобождении запуганных и забитых пленников и возвращении их в семьи и сообщества. К лету 1935 г. в лагерях содержались не более 4000 заключенных – олицетворяемую левыми «другую Германию» нацисты как явление политическое раздавили полностью и бесповоротно[12].

С началом в августе 1939 г. в Германии мобилизации гестапо позаботилось о повторных арестах бывших социал-демократических политиков. Труднее оценить степень успеха режима в искоренении субкультуры рабочего класса, служившей опорой левых движений с 1860-х гг. Несомненно, какие-то ее анклавы сохранились уже под новой вывеской. До 1933 г. в футболе господствовали рабочие спортивные клубы, включавшие в себя около 700 000 членов, а также 240 000 спортсменов из католических обществ. И пусть Германский трудовой фронт быстро вобрал их в себя, а нацисты реорганизовали всю структуру футбольных союзов, сделав их куда более соревновательными и зрелищными, по-настоящему контролировать болельщиков власти не могли. В ноябре 1940 г. товарищеский матч в Вене закончился полномасштабными беспорядками: местные болельщики броси-

[12] Peukert //*side Nazi Germany*; Gellately, *Backing Hitler*; Wachsmann, *Hitler's Prisons*; Caplan and Wachsmann (eds.). *Concentration Camps*; Evans, The Third Reich in Power, chapter 1.

лись на площадку после последнего свистка и швыряли камнями в гостей соревнования до тех пор, пока те не покинули стадион. В их автобусе выбили окна; здорово досталось даже машине гауляйтера[13] Вены. Органы безопасности усматривали в происшествии в первую очередь акт политической демонстрации, но они явно заблуждались. На самом деле оба клуба имели традиционную, сугубо лояльную и в прошлом «красную» рабочую основу, а сам товарищеский матч местные рассматривали как шанс поквитаться за унизительный проигрыш «Адмиры» «Шальке» в 1939 г. со счетом 9:0, в германском финале, поскольку болельщики, с подозрением относившиеся к череде блистательных успехов команды из Рурской области, приписывали ее победу тенденциозному судейству в Берлине. Беспорядки питались традиционной мужской верностью землякам и городу в той же мере, в какой и протестом австрийцев против притока заносчивых «пруссаков» в Вену после аншлюса в марте 1938 г.[14].

Тлеющие угли рабочей солидарности утратили всякий потенциал. Мир, так долго и скрупулезно создаваемый социал-демократами за счет взаимопомощи, хоровых кружков, физкультурных секций, похоронных обществ, детских садов и велосипедных клубов, нацисты либо включили в свои ор-

---

[13] От*нем.* Gau (область) и Leiter (руководитель); глава областной партийной организации в Третьем рейхе. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

[14] Oswald,*Fußball-Volksgemeinschaft*, 282–285; Havemann, *Fußball unterm Hakenkreuz*.

ганизации, либо уничтожили. В июле 1936 г. ссыльные социал-демократы оплакивали крушение традиций коллективизма, признавая, что «заинтересованность рабочих в судьбе своего класса исчезла в значительной степени, если не полностью. Ее сменил мелкотравчатый личный и семейный эгоизм». С возвращением после войны левого движения голос его зазвучал с новой силой, однако оно не смогло воссоздать прочную организационную субкультуру догитлеровских времен. Конечно, на момент начала войны СД и гестапо не могли знать, насколько успешным оказалась их комбинированная политика подавления и вовлечения, и настороженно отслеживали действия представителей рабочего класса, усматривая в них постоянную угрозу[15].

Нацисты могли не беспокоиться относительно среднего класса – фермеров, хозяев собственных дел, мастеровых высокого уровня, образованных профессионалов и управленцев. Протестанты встречали «национальную революцию» нацистов радостно – с энтузиазмом и надеждами, сравнимыми с выражением поддержки войне в 1914 г. Объединяющим фактором служило неприятие «безбожного» модернизма Веймарской республики; у протестантов он ассоциировался с «идеями 1789 г.», пацифистами, демократами, евреями и всеми теми, кто принимал поражение. Протестантские пасторы и теологи начали выковывать этот широкий альянс еще в 1920-е гг. с разговоров о создании новой «народной

[15] *Sopade* 3, 836: 3 July 1936; Schneider, *Unterm Hakenkreuz.*

общности», звучавших привлекательно для многих представителей всего политического спектра. Вчерашние либералы, консерваторы, члены католической Партии Центра, даже бывший электорат социал-демократов – все они носились с «народной общностью» во время Первой мировой войны и в годы Веймара, то есть до превращения идеи в ключевой лозунг нацистов. Даже консервативные еврейские националисты вроде историков Ганса Ротфельса и Эрнста Канторовича тяготели к подобной «национальной революции» и не очень понимали потом, отчего это им пришлось убираться из страны как представителям «неарийской» расы[16].

Подобные ненацисты ставили национальное раскаяние за провал в 1918 г. во главу угла некоего будущего подвига сограждан на пути к «спасению народа». Многие так хорошо послужившие нацистам аргументы породило вовсе не само движение, они пришли со стороны – от людей вроде молодого теолога и бывшего военного капеллана Пауля Альтхауса. Отрекшийся от пацифизма в 1919 г., он настаивал на обязанности немцев показать себя вновь достойными милости Божьей через выступление против условий Версаля. Мешая в рассуждениях тонкость богословской аргументации с воинственным национализмом, Альтхаус превратился в грозную фигуру и одного из главнейших пропагандистов консер-

---

[16] Sontheimer,*Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik*; Wildt, 'Volksgemeinschaft' // Steber and Gotto (eds.). *Visions of Community in Nazi Germany*, 43–59; Schiller, *Gelehrte Gegenwelten*; Eckel, *Hans Rothfels*.

вативного лютеранства и идеи богоизбранности немецкого народа. Им, по его разумению, предстояло спастись, только показав себя достойными оказанного свыше доверия. И пусть многие радикальные нацисты безуспешно пытались отвратить народ от религии, они с готовностью откликнулись на разговоры церковников о духовном перерождении народа. А тем временем более универсалистские и пацифистские взгляды, как, например, идеи Пауля Тиллиха, успешно подвергались оттеснению и поруганию усилиями ненацистских теологов вроде того же Альтхауса [17].

С приходом к руководству страной нацисты отказались от затеи крупномасштабной социальной инженерии, сосредоточившись на революции чувства. Вскарабкавшись на властный Олимп, они спланировали и организовали народный театр, привлекая военизированные формирования с их флагами, солдатскими башмаками и формой, ну и, конечно, факельными шествиями. Амбиции нацистов простирались в святая святых буржуазной культуры – местные театры, где их агитпроп с пьесками о сопротивлении фрайкоров [18] французской оккупации Рура в 1920-х гг. бросил вызов традиционному классическому репертуару, берущему истоки в XIX столетии. В 1933–1934 гг. нацисты вышли за физиче-

[17] Ericksen, Theologians under Hitler; Hetzer, 'Deutsche Stunde'; Stayer,*Martin Luther*; Schüssler, *Paul Tillich*.

[18] Фрайкор (Freikorps – «свободный корпус») – наименование полувоенных патриотических формирований, существовавших в Германии и Австрии в XVIII–XX вв. –*Прим. науч. ред.*

ские рамки обычного театра путем создания *тингшпиля* – морализаторских постановок нового типа, разыгрывавшихся под открытом небом с гигантскими мимическими интерлюдиями и при участии масс исполнителей, достигавших 17 000 человек, перед аудиторией иной раз до 60 000 зрителей. Как правило, целью таких огромных шоу служило стремление заставить немцев переродиться и изгнать из них комплекс проигравших Первую мировую войну. В принадлежавшей перу Рихарда Ойрингера постановке «Немецкие страсти» (Deutsche Passion) павшие солдаты Первой мировой войны в буквальном смысле восстают из могил и батальонами маршируют через сцену, при этом белые лица призраков сверкают из-под стальных касок, а герои взывают к единению и духовному возрождению[19].

К 1935 г. мода на тингшпиль, как и работа нацистского агитпропа в муниципальных театрах, набрала максимальные обороты. И тут Геббельс столкнулся с бунтом владельцев абонементов, начавших отказываться от их продления. Он тут же поменял подход, уволив новых директоров из нацистов и заменив их компетентными профессионалами. Состоявшая преимущественно из представителей среднего класса аудитория получила вожделенную классику. В ноябре 1933 г. 10-ю годовщину мюнхенского пивного путча отмечали нацистскими пьесами; десять лет спустя – операми Моцарта. Несмотря на отступление на фронте репертуарной политики,

[19] Strobl, *The Swastika and the Stage,* 58–64, 104, 134–137.

Геббельс продолжал вкачивать огромные ресурсы в театры – на их финансирование уходило фактически больше средств, чем на саму пропаганду[20]

[20] Ibid., 187.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.